
Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПОБЕДА НА ВОЛГЕ*

Образование на восточном рубеже Русской земли мощного Казанского ханства, одного из самых активных осколков Джучиева улуса, существенно осложнило политическое и стратегическое положение Великого княжества Московского. Поражение русских войск под Белевом (1437 г.) и нашествие Улу-Мухаммеда на Москву (1439 г.) — первые симптомы новой грозной опасности. Затем последовала катастрофа под Суздалем 7 июля 1445 г., когда великокняжеское войско было наголову разбито казанскими царевичами, а сам великий князь Василий, храбро сражавшийся в первых рядах, оказался в плену. Тяжелые условия выкупа из плена способствовали захвату Москвы Дмитрием Шемякой и обострению межкняжеской усобицы. Но грозному Казанскому ханству не хватило внутренней прочности. Сыновья Улу-Мухаммеда вступили после смерти отца в борьбу за престол, один из казанских царевичей перешел на службу к великому князю Московскому и стал главой вассального Касимовского царства. Хотя отношения с Казанью оставались напряженными, до открытого разрыва не доходило — в 1461 г. великий князь Василий готовился к походу против хана, но заключил с ним мир. Одной из актуальных задач внешней политики оставалось обеспечение стабильности на восточном стратегическом направлении. Первая попытка решить эту задачу была предпринята в 1467—1469 гг. После трех первых неудачных походов осенью 1469 г. Казань капитулировала перед русскими войсками во главе с князем Юрием Васильевичем. Был заключен мир. Точные условия его не известны, но на несколько лет покойствие восточной границы сохранялось. Однако оно было весьма непрочным. Зимой 1478 г. хан Ибрагим, получив ложное известие о поражении великого князя под Новгородом, совершил нападение на северные русские уезды, но, узнав о взятии Иваном III Новгорода, поспешно отступил. Последовал карательный поход русских войск на Казань. До боевых действий дело не дошло — мир был продлен. Смерть

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04.01.00.392а.

хана Ибрагима повлекла за собой новые смуты. По выражению Н. М. Карамзина, «Казань сделалась театром несогласия и мятежа».¹ В этих условиях великий князь Иван Васильевич принял решение добиться стабилизации положения путем установления в Казани власти, дружественной Российскому государству.

Кампания 1487 г. особого интереса у дореволюционных историков не вызывает. Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев ограничиваются кратким пересказом летописных известий.² А. Е. Пресняков сказал о ней несколько слов в подстрочных примечаниях.³ Значительно больше внимания уделил этому сюжету К. В. Базилевич. Используя Воскресенскую и Устюжскую летописи, Щукинскую разрядную книгу он дал краткий очерк хода событий.⁴ Краткий очерк приводит и новейший исследователь В. А. Волков.⁵ Е. А. Разин — автор наиболее обстоятельной работы по военной истории, вышедшей в советское время, уделявший много места событиям военной истории России, о кампании 1487 г. не упоминает вовсе.⁶ Тем не менее эта кампания заслуживает внимания как в историко-политическом, так и в военно-историческом аспекте.

Основным источником сведений о большом походе на Казань в 1487 г. являются летописи и разрядные записи (РЗ). В качестве источника могут быть использованы также сведения З. Герберштейна и посольские дела.

Московская летопись по Уваровскому списку (ВКЛ) в дефектном виде⁷ передает рассказ, который в полном виде содержится в Никоновской летописи под заголовком «О Казанском взятии».⁸

В известии приводятся имена воевод: князя Данилы Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского. Содержатся точные даты — 11 апреля (Великий четверг) — отправка войска; «на другой неделе по Велице дни во вторник 24 апреля» — отправка Магмет-Аминя; 18 мая, четверг «на 5 неделе по Велице дни» — приход воевод под Казань; 9 июля — взятие Казани; 20 июля — получение вести об этом в Москве.

Эти известия имеют признаки официального характера, восходящие к документальному первоисточнику, сохранившему точные даты и сведения, расположенные в хронологическом порядке. Таким первоисточником могли быть донесения воевод. Вместе с тем, однако, надо отметить некоторые неточности. Пасха в 1487 г. приходилась на 15 апреля, следовательно, 11 апреля, день отправки войск по Никоновской, был не четверг, а среда, а 18 мая — день подхода к Казани — не четверг, а пят-

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998. Т. 6. С. 112; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3, т. 5. С. 68.

² Карамзин Н. М. История... С. 112—113.

³ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 429.

⁴ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 203—205.

⁵ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 23—24.

⁶ Разин Е. А. История военного искусства. М., 1957. Т. 2.

⁷ ПСРЛ. М.: Л., 1949. Т. 25. С. 331.

⁸ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 218—219.

ница. Известие Никоновской не содержит никаких подробностей ни о составе войск, отправленных под Казань, ни о ходе боевых действий.

Это же известие содержится в Вологодско-Пермской, Спасо-Прилуцкой, Типографской летописях.⁹

Ермолинская приводит краткое известие: «Посылал князь великий к Казани своих воевод, князя Данила Дмитриевича Холмского да князя Семена Ряполовского и многое множество воичу с ним, и конников, и судовников, и град взяша, и царя поймали <...> А в Казани посадиша брата его меньшего на царство, и бысть тишина велми в тех странах от Татар».¹⁰

Это известие, несмотря на свою краткость, содержит важные сведения, говоря о «конниках» и «судовниках».

По сведениям Софийской 2 и Уваровской: «Того же лети [6995] гибло солнце на Ильин день. И в той же день пригонил от Казани князь Федор Хрипун Ряполовский, подая весть великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поймали. Князь же великий рад быв и посла к митрополиту, повеле молебная свершити. Митрополит же повеле звонити во все колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебная свершиша и хвалу Богу въздиша. Царя же приведоша на Москву в четверк, за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе на княжь Данилова дворе Александровича Ярославского».¹¹ Последняя часть рассказа — о торжествах в Москве по случаю победы — могла быть позаимствована из официального источника.

Самостоятельный рассказ о походе 1487 г. приводит Устюжская летопись. Она называет имена воевод — князя Данилы Холмского и князя Семена Ряполовского (т. е. воевод судовой и конной ратей), говорит о совместном приходе их под Казань, а главное — содержит довольно подробное описание боевых действий. Такого описания в других источниках нет — у устюжского летописца могла быть своя информация, может быть, от участников событий. Это наводит на мысль об участии устюжан в походе. Летопись приводит только одну дату — взятие Казани 9 июля. Отсутствие других дат может свидетельствовать о неофициальном характере источника. Концовка рассказа носит вполне официальный характер и могла быть заимствована из какого-то документального источника: «Князь великий воивод своих изъжаловал, а бояр и детей боярских хто чего достоен. А царя Алехаму посадил на Вологде за сторожи с матерью и со царицею. А княжат и княгинь и татар розьсажал по посельским, а иных привел к роте, что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань».¹²

Итак, в нашем распоряжении четыре основных летописных рассказа о походе 1487 г. Каждый из этих рассказов имеет свои достоинства и недостатки с точки зрения возможности реконструкции реального хода событий.

⁹ ПСРЛ. 1959. Т. 26. С. 278; 1963. Т. 28. С. 153; 1921. Т. 24. С. 205.

¹⁰ ПСРЛ. 1910. Т. 23. С. 162.

¹¹ ПСРЛ. 1853. Т. 6/2. Стб. 322—323; Т. 28. С. 318.

¹² ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 96.

Все четыре рассказа не противоречат, а в значительной мере дополняют друг друга.

Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК-05) о казанских событиях 1484—1487 гг. содержит четыре записи.

1. Под 6992 (1484) г. — об отправке воевод на казанского царя Алехама: «...и воевода тады Казань взяли, а Магмет-Амина царя в Казани на царство посадили, по великого князя наказу».

2. Под 6993 г.: «Государь князь великий <...> отпустил на Казань Алегама царевича, а с ним послал воевод своих <...> на Магмет-Амина царя. И Алегам царевич, пришед, сел на Казани, а Магмед-Амин царь с Казани збежал».

3. Под 6994 г.: «Великий князь послал в Казань к Махмед-Аминю царю для береженья воевод своих <...> по его Магмед-Аминева присылке, что он хотел братью свою меньшую великому князю выдать. И князи казанские ему братью выдать не дали, а самого Магмед-Амина хотели убить, и он ушел [к] великого князя воеводам. И казанцы прислали за ним бить челом, и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани».

4. Под 6995 г.: «В лето 6995 году взяты казанские при великом князе Иване Васильевиче всея Руси. Согнал с Казани Магмед-Амина царя брат ево Алехам, а пришел из Нагаи по слову с казанцами. И князь великий <...> послал под Казань Магмед-Амина царя да воевод своих на царя Алехаму казанского...».¹³

Разрядная книга 1475—1598 (далее — РК-98) записи 6992 г. не содержит, а известия 6993 г. излагает так: «Отпустил князь великий на Казань, на Алегама царя, царевича Магмедеминя, а с ним послал воевод своих <...> И Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин».¹⁴

Запись 6994 г. в общих чертах совпадает с записью в РК-05.

Таким образом, если, по РК-05, поход 6993 г. был совершен против Магмет-Амина и имел следствием утверждение на царство Алегама, то, по РК-98, дело обстоит как раз наоборот.

Представляется, что в этом случае в РК-05 допущена ошибка.¹⁵ Ясно, что если бы в 1485 г. на казанский стол сел Алегам, то в следующем году не нужно было бы посылать воевод Махмед-Амину царю для «береженья». Но если так, то вызывает подозрение и известие за 6992 (1484) г. Полное совпадение списков воевод в известии за 6992 (1484) г. и 6995 (1487) г. свидетельствует, что составитель РК-05 известие о походе воевод на Казань поместил дважды: под 6992 (1484) г. и 6995 (1487) г.

Разрядные записи приводят имена воевод, но не сообщают никаких реальных сведений о ходе событий.

Своеобразным источником является поздняя «Казанская история», составленная, по мнению исследователей, в конце XVI в. Перечисляя имена воевод как в Никоновской, этот источник пишет: «И встреча их

¹³ РК-05. С. 26—27.

¹⁴ РК-98.

¹⁵ Об ошибках РК-05 см.: *Зимин А. А.* Текстология пространной редакции разрядных книг (за 1475—1537 гг.) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 149—170.

казанский царь Алехам с татары своими на реке на Свияге. Бывшу же у них бою велику <...> и побише ту многие Казанцев, мало их живых в Казань утече, и град затворити и осадити не успеха и самого царя Алехам живы яша руками, и с ними во град вышедше...».¹⁶

Эти поздние сведения не соответствуют современным известиям, но отражают предания, жившие в народной памяти.

К числу таких же преданий относится и рассказ З. Герберштейна о захвате Алегама обманом.¹⁷

Реконструкция реальных событий может быть проделана на базе летописных рассказов и разрядных записей.

Победы на северо-западе (над новгородскими сепаратистами) и на юге (над Ахматом) создали к середине 80-х гг. принципиально новую стратегическую обстановку и дали возможность приступить к активным наступательным действиям на восточном стратегическом направлении.

Борьба между претендентами на ханский престол создавала нестабильную обстановку в Казани и в то же время могла способствовать усилению русского влияния.

Под 6994 (1486) г. Устюжская летопись помешает известие: «Ис Казани прибегл к великому князю <...> царь Махмет-Емин от брата своего от царя Аляхама, да бил челом великому князю, а назвал себе его, великого князя, отцем, а просил у него силы на брата своего на Аляхама, царя казанского, и князь великий силу порекл ему дати».¹⁸

Этому соответствует и известие Софийской 2 — Уваровской: «Приеха царевич казанского царя сын, а Темиров внук, еще бе мал, к великому князю, князь же великий приат его». Далее под тем же годом: «Прислаша казанцы к великому князю, а ркучи так: „Что есмя отпустили к тебе царевича на том, что почнет наш царевич царя нашего, а меншицын сын, над нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к нам. И нынеча наш царевич, а меншицын сын услышав то, да зазавши нас к себе на пир, хотел нас перетерети, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город, да укрепивши город, да за нами пошел, в поле”».¹⁹ «Меншицын сын» — это Алегам, сын Фатимы, младшей жены царя Ибрагима. Царевич, отпущенный в Москву, — это Магмет-Амин, сын Нур-Салтан, старшей жены Ибрагима, вышедшей позднее за Менгли-Гирея Крымского. В марте 1487 г. великий князь через своего посла в Крым передает Нур-Салтан о желании «добро смотреть» ее сыну Магмет-Аминю.²⁰

В Казани шла династическая борьба, и один из претендентов на казанский стол признал себя вассалом великого князя, дав ему тем самым законный повод для вмешательства в казанские дела. При этом можно было надеяться на дружественную позицию Менгли, что обеспечивало безопасность южного стратегического направления. Однако борьба за

¹⁶ ПСРЛ. 1903. Т. 19. Стб. 21, 226.

¹⁷ *Герберштейн З.* Записки о Московии. М., 1988. С. 170.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 96.

¹⁹ Там же.

²⁰ РИО. Т. 41. № 16. С. 59.

укрепление русского влияния в Казани осложнялась обострением отношений с Вяткой.

Устюжская летопись сообщает: «В лето 6994 месяца марта в 18 день вятчане пришли ратью на Устюг, у города не были, зане же весть ушла перед ними. И стояли под Осиновцем городком день и прочь пошли, а 3 волости разграбили, а устюжане в погоню за ними ходили, да не дошли их. Того же лета о Троицыне дне (15 мая. — Ю. А.) водою вятчане приходили на судех под Устюг под Осиновцем изгоном и стали обедать. А воевода Костя Юрьев шел с ними в неволю. А в ту пору сын его Торопа Иван, трясца поимала, и он захотел соку соснового. И Костя сам с ним пошел в лес, взял топор. И дошел до лесу, рать покинул и с сыном в город Осиновец утек. И осиновляне на конех отпустили со многими людьми на подводах к Москве. И князь великий их пожаловал. А вятчане хватилися, оже воеводы нет, утекл. И они возмялись, начаше к городу приступати и аючи в городе. Осиновляне же им правду сказаша, что воевода их на конех и с проводники к великому князю побегл и они на ту ночь и побегоша к Вятке».²¹

Итак, в самый канун похода на Казань возник конфликт с Вяткой и намечился раскол в вятской общине. Это, без сомнения, осложняло общую обстановку на восточном направлении: войска, идущие на Казань, нуждались в стратегическом обеспечении своего левого фланга.

Уваровская летопись, рассказав об отправке воевод на Казань в апреле («о Велице дни») 1487 г., далее пишет: «Тогда же и вятчане отступила от великого князя. Князь же великий посла на вятчан воеводу своего Юрия Шестака Кутузова со мною силою. И он шед и умиришася с ними и возвратишася».²² Устюжское известие находит подтверждение в Софийской 2 и Уваровской: «Тогда же и воевода вятский Костя прибеже к великому князю к Москве».²³

Разрядная запись за 6995 г., рассказывающая о походе на Казань, далее отмечает: «Того же году послал князь великий к Вятке воевод князя Ивана Володимировича Лыка да Юрья Ивановича Шестака».²⁴

До боевых действий дело, видимо, не дошло. Как мы видели, воевода Кутузов, посланный на Вятку «со мною силою», «шед и умирися с ними и възвратишася».

Тем не менее опасность со стороны Вятки была реальностью и учитывалась в действиях русского верховного главнокомандования.

Фактическое сосредоточение всего военного и политического руководства в руках великого князя дает возможность определить его функции как верховного главнокомандования (ВКГ). Органом управления ВКГ можно считать ту часть канцелярии великого князя, которая вела разрядные записи и другую документацию, связанную с военными действиями. Это разрядное ведомство — зародыш будущего Разрядного приказа.

²¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 49—50, 96.

²² ПСРЛ. Т. 28. С. 318; Т. 6, вып. 2. Стб. 323.

²³ ПСРЛ. Т. 6, вып. 2. Стб. 323; Т. 28. С. 318.

²⁴ РЗ-98. С. 21.

Важнейшим делом ВГК было определение цели похода, формирование войск, предназначенных к походу на Казань, и назначение воевод. Целью похода было установление в Казани дружественной власти.

Официальная летопись называет имена четырех воевод: князя Даниила Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского и князя Семена Романовича.²⁵

Гораздо более подробные сведения содержат разрядные записи. «Князь великий <...> послал на Казань воевод своих по полкам. В судех. В Большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской да князь Осиф Андреевич Дорогобужской. В Передовом полку князь Семен Иванович Ряполовской. В правой руке князь Олександр Васильевич Оболенской, да Иван Борисович, да князь Ондреев воевода князь Василей Никитич Оболенской. В левой руке князь Семен Романович Ярославской да князь Борисов Васильевича воевода князь Василий Иванович Хованской. А в конной рати князь Федор Хрипун да брат его князь Василей Мних Семеновичи Стародубские. А пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским. Да к Казани же послал князь великий конную рать на помочь воеводам: князя Василия Федоровича Шуйского да Дмитрия Ивановича Киндырева. А в судех князя Ивана Васильевича Ромадановского».

В поход идут одновременно конная и судовая рати — это известие Софийской 2 — Уваровской подтверждают разрядные записи. Большой полк идет в составе судовой рати — очевидно, ей придется решающее значение.

Во главе Большого полка наиболее опытный и прославленный воевода, победитель на Шелони. Присутствие князя Даниила Холмского во главе войск свидетельствует о значении похода, которому придется ранг важнейшего государственного мероприятия.

Второй воевода Большого полка — из тверских удельных князей. В 1480 г. он участвовал в отражении нашествия Ахмата. Летом 1485 г. он командировался на службу великому князю Ивану Васильевичу. По мнению А. А. Зимина, он получил в удел-кормление Ярославль. Однако этот факт подтверждается только грамотой Троице-Сергиеву монастырю, выданной князем Дорогобужским в 1490—1495 гг. на беспоплинный проезд по Шексне.²⁶ Нельзя исключить, что, перейдя на службу в Москву, он продолжал сохранять связь со своим тверским уделом. Став воеводой великого князя всея Руси, он мог вести с собой служилых людей из своего тверского удела. Сравнительно плавный безболезненный переход Тверского великого княжения в состав Русского государства мог способствовать сохранению тверскими князьями своих уделов. В отличие от своего брата Юрия, Иосиф Андреевич в походе 1471 г. не участвовал и в источниках впервые упоминается в 1480 г. Его военная карьера относится к 1490—1500-м гг. Можно думать поэтому, что в

²⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 218.

²⁶ АСВР. Т. 1. № 552. С. 429.

1487 г. он был сравнительно молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта. Назначение князя дорогобужского в Большой полк может свидетельствовать о доверии к нему со стороны великого князя: его новые тверские подданные сразу занимают важные посты в войске.

Передовой полк возглавляет представитель старого московского княжеско-боярского рода, служившего великим князьям уже многие десятилетия. В событиях последней трети XV в. принимали участие два Семена Ивановича Рязполовских. Старший из них, Семен Хрипун — внук родоначальника, князя Андрея Федоровича. Младший — этого Семена Хрипуна племянник. Сын Семена Хрипуна Федор Хрипун уже в 1468 г. был воеводой и разбил казанцев у Нижнего Новгорода. В 1487 г. его отцу должно было быть не менее 50—60 лет. Более вероятно, что Передовой полк возглавлял Семен Иванович Младший («Молодой»). Вероятно, тот же Семен Иванович в походе 1477 г. возглавлял суздальцев и юрьевцев в составе Большого полка, т. е. не был самостоятельным воеводой, а подчинялся воеводе Большого полка князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. Участие в походе 1477 г. — первый известный нам боевой опыт князя Семена Ивановича. В 70-х гг. он был еще сравнительно молодым человеком, его карьера, трагически оборвавшаяся опалой и казнью, относится к 80—90-м гг.²⁷

Первый воевода полка правой руки князь Александр Васильевич Оболенский — младший брат Ивана Стриги, известного воеводы 40—70-х гг. В отличие от своего старшего брата, князь Александр впервые упоминается в источниках в 1475 г., но уже в качестве боярина в составе свиты великого князя в «походе миром» на Новгород. В 1477 г. он с несколькими городовыми полками входил в состав Большого полка. Видимо, он был значительно моложе своего брата: его военная карьера расцвела в 90-х гг., а в 1501 г. он пал в битве с литовцами.²⁸

Второй воевода того же полка — выходец из Твери, сравнительно недавно перешедший на великокняжескую службу.

В этом же полку идут служилые люди князя Андрея Большого, во главе с его воеводой — одним из князей Оболенских. На примере князей Оболенских видно, как служба разводит под разные знамена представителей одного и того же княжеского рода: одна из линий князей Оболенских потомственно служит великому князю, другие линии — удельным князьям.

Полк левой руки возглавляет один из ярославских князей, давно уже превратившийся в служилого человека великого князя и имеющий боевой опыт в походах на Казань. Здесь же — и удельно-княжеский воевода, очевидно, со служилыми людьми своего князя.

Во главе конной рати идут братья князя Рязполовские. Конной рати в разряде весны 1487 г. уделяется заметно меньшее внимание. Тут нет деления на полки — видимо, она рассматривалась как сила второсте-

²⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. / Отв. ред. [и авт. предисл.] В. П. Бучанов. М., 1988. С. 38—41.

²⁸ Там же. С. 48—50.

пенного значения. Об этом свидетельствует и заранее отданное распоряжение великого князя о переходе конной рати по прибытии под Казань в распоряжение воеводы Передового полка. Таким образом, судя по разрядным записям, ВГК предусматривало некоторое переформирование сил по выходе в район боевых действий.

Судовая рать — пехота. Подчинение ей конной рати свидетельствует о вспомогательной роли конницы в первоначальном плане операции. Ее задачей, вероятно, было обеспечение защиты осаждающей город пехоты от действий подвижных отрядов защитников крепости.

Упорная оборона Казани заставила выслать новые силы «на помочь».

Во главе конной рати пошел князь Василий Федорович Шуйский. В 1471 г. он ходил вместе с псковичами в поход на Новгород, в 1480—1481 гг. он был наместником в Новгороде, а в 1491—1496 гг. — во Пскове, и умер в походе под Выборг.

Второй воевода — из тверских бояр, в мае 1476 г. бивших челом в службу великому князю Ивану Васильевичу. В актовом материале упоминается какой-то Дмитрий Иванович, наместник Кашинский.²⁹ Издатели акта относят его по косвенным данным к последним годам независимости Твери (1484—1485). Но не исключено, что Дмитрий Иванович — возможно, Киндырев — был наместником уже после включения Твери в состав единого государства. В таком случае он мог вести в поход на Казань кашинское служилое ополчение. Само по себе участие тверских служилых людей в походе на Казань вполне вероятно: система тверских служилого землевладения, по крайней мере вплоть до начала 90-х гг., не подвергалась, по-видимому, существенным изменениям.

Воевода судовой рати князь Иван Васильевич Ромодановский упоминается здесь впервые. Видимо, он был еще молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта.³⁰ По-видимому, в рати посланной «на помочь», главную роль играла конница — здесь два воеводы, из которых первый — уже опытный воин. Борьба с подвижными отрядами оказалась более сложной, чем предполагалось.

Таким образом, если действия ВГК перед походом заключались в определении цели и задач похода, в формировании войсковых соединений, назначении воевод, то во время самого похода ВГК реагировало на сложившуюся обстановку путем присылки подкреплений за счет формирования новых полков или выдвижения на театр войны сил из стратегического резерва. Руководство войсками на оперативно-тактическом уровне находилось в руках воевод, снабженных соответствующими инструкциями.

Общий ход кампании отражен в официальной летописи. Войска выступили из Москвы 11 апреля «в четверток великий». «А царя Магмет-Аминя Казанского отпустил князь великий на другой недели по Велице дни во вторник, апреля 24. А пришли воеводы великого князя и с

²⁹ АСВР. Т. 3. № 160. С. 175.

³⁰ *Зимин А. А.* Формирование... С. 39—40.

силою под город под Казань месяца мая в 18 день, в четверток на пятой недели по Велице дни. И взяша город Казань июля в 9 день и царя Алегам Казанского изымаша с матерю и его царицею, и с двема браты и с сестрою, и с его князьми. И приведоша их на Москву. Июля же 20 прииде весть великому князю, что город Казань взяли его воеводы и царя полонили, а пригонил с тою вестью князь Федор Хрипун Ряполовский. И князь великий Иван Васильевич всея Руси царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромольных князей и уланов смертию казнил, и иных коромолников».³¹

Рассказ официальной летописи позволяет сделать некоторые выводы. Марш-маневр к Казани занял 37 дней, если считать, что войска выступили именно 11 апреля. Маршрут движения неизвестен, но, исходя из сообщения других летописей об одновременном прибытии к Казани конной и судовой ратей, можно думать, что они двигались вместе. В 1469 г. судовая рать сосредоточилась в Нижнем Новгороде, вполне вероятно, что так было и в 1487 г. Передовой отряд добровольцев пошел к Казани в 1469 г. 21 мая после четырехдневного плавания вниз по Волге. Движение конной рати по берегу должно было быть, естественно, более медленным. В 1552 г. среднесуточный переход составлял около 30 км, дневки делались в среднем каждые 8 дней.³² Если так, то 400 верст от Нижнего до Казани конная рать могла пройти примерно за 12—15 дней, т. е. должна была выступить из Нижнего примерно 3—5 мая и 400 км от Москвы до Нижнего пройти за 15—18 дней. Выступив из Москвы 11 апреля, конное войско могло подойти к Нижнему около 1 мая и после нескольких дней отдыха двинуться к Казани. При всей приближенности этих расчетов они свидетельствуют о правдоподобии дат, приведенных в летописи.

Устюжская летопись приводит живой рассказ о боях под Казанью: «И пришед сила великого князя под Казань, конная и судовая вся. И царь Алехам из города из Казани со князьми своими выехал и с силою против воевод великого князя мало побився и в город побеже. А воеводы город Казань обсели и острог около города доспели. Един князь татарский именов Алгазы со царем в город не полез, тот зла много чинил силе великого князя. А после того князя сила великого князя и прогна за Каму в поле. А царь Аляхам седе в городе 3 недели; на всяк день татарове из города вылазя билися с Русью. И прииде на царя и на татар изнеможение. И царь Аляхам сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя ко князю Данилу Дмитриевичу Холмскому да ко князю Семену Ивановичу Ряполовскому. И город взяли, и мать цареву и его царицу, и много князей татарских и их княгинь поймали июля в 9 день, на память Панкратия Тавроменинского».

Список Мацеевича приводит тот же текст с незначительными сокращениями и разночтениями. Единственное серьезное отличие текста по списку Мацеевича — князь Аль-Гази (Ольгаза по этому списку) «силе

³¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 218—219.

³² Разин Е. А. История военного искусства. Т. 2. С. 359.

великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле», т. е. за Каму были прогнаны русские войска, а не татарский князь. Эта явная ошибка списка Мацевевича свидетельствует о вторичности его текста по сравнению с Архангелогородским.

Таким образом, боевые действия под Казанью начались с боя в открытом поле. Подробности боя неизвестны, но можно думать, что Алегам стремился нанести поражение русским войскам и не допустить штурма или осады своей столицы. Повторился сценарий осеннего похода 1469 г. в изображении той же летописи. Как и тогда, русские войска не стали штурмовать город, а приступили к правильной осаде, соорудив вокруг города острог, т. е. контрвалационную линию.

Когда же все это произошло? По сведениям официальной летописи, войска подошли к Казани 18 мая; по сведениям Устюжской, Алегам сидел в городе три недели до своей капитуляции, которая произошла 9 июля (с этой датой согласны все источники). Следовательно, близкая блокада с помощью острога началась около 18 июня, т. е. борьба в поле продолжалась около месяца. Трудно поверить, что сооружение острога могло занять столько времени.³³ Скорее всего, Устюжская допускает ошибку в расчете числа недель осады. Но общая картина событий представляется довольно убедительной. Перед нами — классический пример осады большого города крупными силами с использованием фортификационных сооружений.

В этих условиях возможны были два исхода событий — капитуляция города вследствие недостатка съестных припасов или воды (как в 1469 г.) или штурм города при благоприятных для осаждающих обстоятельствах (известия о деморализации в городе и т. п.).

В отличие от 1469 г., казанцы часть своих сил не стали вводить в город, а попытались действовать против осаждающих из открытого поля. Судя по сведениям летописца, эти действия приносили русским войскам большой ущерб (т. е. были достаточно эффективны). Может быть, именно поэтому было принято решение об отправке к Казани «на помочь» конной рати князя Василия Федоровича Шуйского в сопровождении судовой рати. Во всяком случае, русским войскам удалось одержать победу над Аль-Гази и заставить его отойти за Каму.

Осажденные в Казани войска Алегама делали ежедневные вылазки. Этот образ действий мог бы быть целесообразным при примерном равенстве сил (осажденные имели бы преимущество инициативы и могли бы легко укрыться в городе, где они легче могли восстановить свои силы, чем осаждающие) в надежде частыми вылазками измотать противника, а также имея в виду взаимодействие с силами Аль-Гази. Однако в конечном счете эта тактика активной обороны себя не оправдала. Аль-Гази был отброшен, русские наращивали силы, а силы гарнизона таяли. Бесперспективность дальнейшей обороны заставила Алегама сдаться на милость победителя.

³³ Известно, что в 1552 г. сооружение циркуливалационной линии заняло 7 дней (Там же. С. 362).

Борьба за Казань продолжалась 50 дней. В отличие от кампании 1469 г., нет сведений об отнятии воды — видимо, на этот раз снабжение города водой не прерывалось.

Кампанию 1487 г. целесообразно сравнить с кампанией 1469 г. — первым опытом борьбы под стенами столицы казанских ханов.

В обоих случаях стратегической целью была сама Казань — исход войны должен был решиться под ее стенами. Однако реальный ход событий в этих кампаниях существенно различается. В кампании 1469 г. взаимодействие конной и судовой ратей удалось достигнуть только на последнем этапе, после двух лет неудачных походов. В 1487 г. это взаимодействие было заложено уже в первоначальный план и осуществлялось с самого начала боевых действий.

В кампаниях 1468—1469 гг. прослеживается стремление действовать на двух операционных направлениях, что себя не оправдало. В кампании 1487 г. все силы были развернуты на одном операционном направлении — был учтен удачный опыт осеннего похода 1469 г. князя Юрия Васильевича. Этот опыт был учтен и в тактике осады города — в постройке острога.

Условия борьбы в 1487 г. были, по-видимому, более сложными, чем осенью 1469 г.: тактика казанцев отличалась активностью, что значительно ухудшало положение осаждающих.

Тем не менее кампания закончилась полным успехом стратегического и политического масштаба. Над Казанским ханством впервые была одержана настоящая бескомпромиссная победа — впервые казанский царь признал свою зависимость от Русского государства.

Основной причиной победы в 1487 г. можно считать фактическое создание единого Российского государства: в распоряжении великого князя впервые были практически все силы Русской земли (за исключением Вятки). Это создавало благоприятные условия для работы ВГК, державшего в своих руках все нити управления войсками и страной.

В действиях ВГК можно отметить:

— постановку широкомасштабной политико-стратегической цели, решение которой создавало новую ситуацию на всем восточном направлении;

— учет опыта предыдущих кампаний, в частности:

— правильный выбор операционного направления,

— создание на нем мощной группировки сил под единым тактическим руководством со стороны опытного воеводы,

— правильное реагирование на сложившуюся обстановку,

— своевременную посылку «на помощь» резервов ВГК.

Памятником деятельности ВГК являются разрядные записи, впервые дающие самостоятельные — независимые от летописи — сведения о полках и воеводах и директивах ВГК.

В целом можно отметить, что руководство русскими силами и на стратегическом, и на тактическом уровнях проявило себя с положительной стороны, результатом чего была достигнутая большая победа.

Со стороны казанцев можно отметить упорную оборону города и умелые действия конницы вне кольца осады. Однако общая ситуация не давала казанцам благоприятных перспектив, и капитуляция была необходимой и в сущности оправданной акцией. Переходя под протекторат России, Казанское ханство сохраняло свою особенность, сохраняло свою династию, свой политический строй, свою веру и свой уклад жизни. Для России же победа 1487 г. была крупнейшим успехом после Угры: она укрепляла безопасность восточного и северо-восточного направлений и давала возможность дальнейшего продвижения в сторону Урала и Сибири.